

Образ поэтической актрисы

Веч. Москва. — 1995. — 7 сент. — с. 6.

Шекспировская Катарина говорит о женщинах: «Наша сила — в нашей слабости». Героини Ирины Печерниковой блистательно подтверждали эту мысль. Абсолютно беззащитные, само воплощение женственности, детской незащищенности, хрупкости, боязни каждого грубого прикосновения, они обезоруживали, были совершенно неотразимы, победительны в этом своем робком очаровании пленительной «слабости». А когда в ее Елене из тургеневского «Накануне» или в героине «Утренней феи» А. Касои, в шекспировской Корделии и в пленной Арикии из «Федры» Расина обнаруживалось мужество души, способность к самопожертвованию, обаяние актрисы возрастало еще больше, ее изумительная трогательность становилась какой-то светящейся.

В «Утренней фее» Печерникова играла две роли — светлую, ласковую Аделу и истерзанную жизнью, отчаявшуюся, ожесточившуюся Анжелику. Но ясно намечавшийся контраст этих противоположных образов не был резким, актриса создавала два различных портрета, но оба они были написаны в одной манере, пастелью.

Все эти качества неразрывно связаны с особенностями ее манеры, ее мастерства — никаких резкостей, преувеличений, подчеркиваний, редкая естественность поведения на сцене, особое изящество простоты, аристократическая грация безупречной правдивости.

На репетициях я наблюдал, как легко, без малейшего напряжения, ничего не форсируя, она осваивает эмоциональные кульминации роли, находит ее пластический рисунок, чаще всего создававший впечатление невесомости, как все становится у нее органичным, музыкальным, тонко выразительным. Ее нервность сочеталась с целомудренной сдержанностью, женственное достоинство никогда не становилось самоуверенностью, лиричность не переходила в сентиментальность. Кто знает, что начисто избавляло ее от тени нажима, наигрыша — творческая взыскательность и чуткость или естественная женская стыдливость, застенчивость ранимой души?

Необыкновенно впечатляла стильность ее облика — склонение ее головы, изгиб шеи заставлял вспомнить наброски женских головок, которые часто оставлял Пушкин на полях своих ру-

кописей. У нее была особая линия женщины, девушки, барышни девятнадцатого века, идеальный облик пушкинской Татьяны, лермонтовской Нины, тургеневской Лизы Калитиной...

Кажется, уже после ухода из Малого театра Печерникова снялась в телеспектакле по пьесе И.С. Тургенева «Провинциалка». Чудилось, что кокетливые пассажи лукавой провинциалки с графом Любиным были проникнуты какой-то скрытой печалью, словно за тоскливые годы,

проведенные в скучном захолустье, потускнела ее красота, притихла веселая жизнь. Очаровательная когда-то светская девушка не стала блестящей дамой, цветок не расцвел пышным цветом зрелости, и если не увял, то заметно поник. В тщеславных стараниях и хлопотах провинциалки было что-то трогательное, щемящее, почти жалкое. В ее

глазах читались печаль, тень тревоги, а не задор и торжество победительницы.

Подлинность и неповторимость дарования сквозила во всем, что она делала. Интуиция, ум, так настоящей художницы сцены определяли ее положение в театре, любовь к ней зрителей. Ей прощали человеческие слабости и проступки. Нежно любивший ее талант М.И. Царев всячески защищал ее от серьезных неприятностей...

Вспоминаю все это, и меня не покидает мысль, что я пишу в прошедшем времени. Ирина Печерникова не в театре, уже несколько лет она не появляется на сцене. Не хочу, боюсь спрашивать ее, почему она ушла из Малого театра и не стала искать себе применения в другом? Может быть, потому что она где-то снимается, ведь фильмы с ее участием, начиная с «Дождем до понедельника», были любимы и известны...

Наступало время, когда ей надо было изменить амплуа, пробовать себя в других ролях, время так называемого болезненного для многих актрис «перехода». Может быть, превратностям этого перехода она предпочла бесповоротный уход? В ее исчезновении с горизонта тоже есть своя женственная грация и тайна. Так или иначе в памяти ясно возникает светло-печальный образ поэтической актрисы.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН
Фото И. Ефимова

Мать — Р. Нифонтова
Адела — И. Печерникова
«Утренняя фея»